

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, г. Москва)
krav62@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРОПИСНЫХ БУКВ В КНИГАХ ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ (1876–1892)*

Статья продолжает серию публикаций документов, которые характеризуют деятельность синодальных типографий, направленную на формирование нормы позднего церковнославянского языка. Синодальные типографии обладали исключительным правом публикации книг на церковнославянском языке, поэтому их влияние на сохранение и эволюцию грамматической нормы было определяющим. В данной статье помещены документы, относящиеся к полемике по поводу употребления прописных букв в церковнославянских книгах. Использование прописных букв для выделения имен собственных было чертой русской гражданской орфографии, которую восприняли Санкт-Петербургская и Киевская синодальные типографии. При этом Московская синодальная типография придерживалась более архаичной нормы. Сосуществование двух традиций вызвало полемику, которую отразили публикуемые документы. Среди них два анонимных письма, авторы которых считали орфографическую норму русского литературного языка единственно возможной и предлагали распространить ее на все церковнославянские издания. Это предложение поддержал Комитет по пересмотру богослужебных книг, который в эти годы функционировал в Москве. Позиция сторонников сохранения прежней нормы изложена в официальных обращениях Московской синодальной типографии в Синод и ряде других документов. Результатом этой дискуссии стало принятое Синодом в 1887–1888 годах определение, утверждающего орфографическую норму Московской синодальной типографии в качестве единственно возможной.

Ключевые слова: церковнославянский язык, пунктуация, книгопечатание, литургика, прописные буквы, грамматическая норма.

Настоящая работа продолжает серию публикаций внутренней документации синодальных типографий, в которой отражается история формирования грамматической, орфографической и текстологиче-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 13-04-00223.

ской нормы, представленной в книгах церковной печати¹. Здесь мы воспроизводим наиболее существенные документы, относящиеся к полемике по поводу употребления прописных букв в церковнославянских книгах. К середине XIX века в изданиях Санкт-Петербургской и Киевской синодальных типографий собственные имена и *nomina sacra* писались с прописной буквы, а книги, изданные в Московской синодальной типографии, использовали прописные буквы только в начале предложений. При этом имена собственные писались со строчной буквы, а в качестве знака, выделяющего *nomina sacra*, использовался знак титла.

Традиция использования в церковнославянских текстах прописных букв для выделения имен собственных и *nomina sacra* появилась под влиянием гражданской орфографии. В XVIII веке имена собственные начинают выделяться при помощи прописных букв сначала в текстах, не предназначенных для чтения вслух (в богослужебных книгах они сначала появились в послесловиях). Активная экспансия прописных букв начинается с Елизаветинской библии. Именно в связи с работой над новой версией церковнославянской Библии Синод 18 ноября 1748 года выпустил указ, который предписывал «обретающимся при библейном деле иеромонахам» Варлааму Лашевскому и Гедеону Слонимскому в «собственных именах людей, градов, островов, рек, гор, источников и прочаго начинающихся литеры писать большими заставными литерами» [ПСПиР III: 186]. Сфера использования этого правила стремительно расширяется. Так, например, в киевском издании Житий святых Димитрия Ростовского 1759 года прописные буквы для выделения имен собственных не употребляются, а в издании 1764 – уже используются. В XIX веке Киевская и Санкт-Петербургская синодальные типографии стали использовать прописные буквы во всех своих изданиях, в том числе и в предназначенных для богослужебного использования. При этом основной типографией, печатавшей богослужебные книги, оставалась московская типография, придерживавшаяся прежней нормы. Существование двух традиций не могло не вызвать полемики.

Сохранилось два анонимных письма (**документ 1–2**), авторы которых хотели, чтобы церковные власти распространили правила употребления прописных букв, принятые в Санкт-Петербургской и Киевской типографиях, на московские издания. Это предложение

---

¹ Статья продолжает серию публикаций [Кравецкий 2002, 2010, 2013; Кравецкий и Плеснева 2003].

было поддержано Комитетом по пересмотру богослужебных книг² (**документ 3–4**). Позиция Московской синодальной типографии была изложена в ее официальных обращениях в Хозяйственное управление Синода (**документ 5, 7**) и в письме московского митрополита Макария (Булгакова) (**документ 6**). В конце концов Синод принимает определение, утверждающее абсолютное господство московской нормы (**документ 8**). В связи с этим синодальным определением вставал вопрос о приведении в соответствие с ним грамматик и пособий по церковнославянскому языку (**документ 9**)

Документы воспроизводятся в современной орфографии, примечания принадлежат публикатору.

1. Анонимное письмо в Московское хозяйственное управление Синодальной конторы от 27 января 1876 г.

Голос православного

В некоторых европейских языках все существительные имена изображаются с прописными в начале буквами; в славянском и русском языке принято все собственные имена лиц, городов, морей, рек и т. п. изображать с прописными буквами. Но что сказать об именах собственно Божиих?

Во всех изданиях церковно-богослужебных и религиозно-нравственного содержания книг, печатаемых при Киево-Печерской лавре и в С.-Петербургской конторе Синодальной типографии, все имена Божии печатаются с прописными буквами.

Но нельзя без изумления видеть совершенный контраст в этом отношении Синодальной типографии. В книгах славянской печати все Высочайшие имена Божии ею печатаются со *строчными* буквами. Имена *Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой Господь, Саваоф, Пресвятая Троица, Вседержитель, Иисус Христос, Св. Дева Мария, Пресвятая Богородица*, не говоря уже о *Святых Отцах* и т. п., слова сии все подряд печатаются со строчными буквами.

Но не странно ли видеть, что одни и те же имена в двух типографиях печатаются с *прописными* буквами, а в *Московской* – со *строчными*? Если имена высочайших особ царей земных, Святейший синод, как и подобает для их высокой чести, и Московская синодальная контора печатает с прописными буквами, то не странно ли,

---

² О деятельности этого комитета см. [Кравецкий, Плетнева 2001: 74–77; Сове 1970: 47–50; Кравецкий 2002].

повторяем, видеть, что она высочайшие имена Божии печатает со строчными буквами? Здесь кроме нарушения, не говорим – незнания орфографических правил грамматики, обнаруживается еще неуважение к самим высочайшим именам Божиим.

Такое изображение напоминает младенческое состояние России и ее литературы, когда все церковные книги были рукописные; напоминает такие времена, как, например, при Новгородском архиепископе Геннадии, когда «некого было и в попы ставить»³ по безграмотству их. Да простят нам, если мы спросим: неужели г<оспода> справщики типографии не знают различия между строчными и прописными буквами? Неужели в типографии оказался недостаток прописных букв, чтобы с таковыми печатать все имена Божии? Неужели в *Московской* синодальной типографии недостало в экономии, на заказ и отлитии таковых в потребном количестве? Сколько легко, приятно и отратно читать имена Божии в Служебниках и других церковных книгах, печатанных в типографиях Киево-Печерской лавры и Санкт-Петербургской при Святейшем синоде с прописными буквами; столь трудно, неприятно и грустно читать в таковых же книгах *Московской* синодальной типографии, в коих уже все вышесказанные имена стоят со строчными буквами, ступеваны, искажены и унижены?! Этим не только раскольники, но и верные сыны Православной Церкви зазирают и соблазняются. А что сказано о тех, кои подают повод к соблазну даже и в малейших вопросах? А здесь дело, о котором мы говорим, высокой важности и оно заслуживает полного внимания.

Итак, ради славы имени Божиего, ради правой веры и благочестия, коими издревле славится Москва, ради просвещенного исходящего XIX века, ради успокоения совести многих тысяч истинно-православных мы, провинциалы, просим и умоляем начальников, заведующих *Московской* синодальной типографией, повелеть названные выше имена Божии и др. под. печатать с *прописными буквами*.

И если прежних книг, конечно, исправить нельзя, и *времена неведения презирает Бог*⁴, то, по крайней мере, впредь печатать таковые *якоже подобает*: ныне убо хотим им покаяния или исправления.

Один из православных
[Дело МСТ: 51–52]

³ Имеется в виду послание Геннадия Новгородского митрополиту Симону, посвященное образовательному уровню кандидатов в священство [Соловьев III: 186].

⁴ Деян. 17.30.

2. Копия письма «одного православного» митрополиту Московскому Иннокентию (Вениаминову). 22 января 1879 г.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко!

Орфография во всяком языке или наречии составляет основание литературы, и незнание первой немисливо в последней. Еще в низших училищах каждому юноше при изучении грамматики внушаемо было, что имена рек, гор, городов, областей, все имена собственные лиц и званий, а в особенности высочайшие имена Божии изображаются, т. е. пишутся и печатаются, с прописными в начале буквами.

Сличая церковно-богослужебные книги, печатаемые в типографиях синодальной С.-Петербургской, Киево-Печерской лавры и синодальной Московской, встречаются *разногласия в орфографическом* отношении. В первых двух все имена Божии и Богородичные печатаются, как и подобает, *с прописными* буквами; в синодальной же Московской типографии все таковые печатаются с малыми или *строчными* буквами. Самое уже несходство или различие в печатании сказанных имен невольно каждому внимательному бросается в глаза и возбуждает вопрос: отчего такое несходство? А соображая всю важность Священных, Божественных и Высочайших имен, каковы *Бог, Господь, Иисус Христос, Святая Троица – Отец, Сын и Св. Дух, Пресвятая Богородица* и т. п. рождается не только удивление, но даже изумление: каким образом, на основании чего Московская синодальная типография могла усвоить столь несообразный образ печатания Святейших и Божественных имен со строчными буквами. Такого рода изображением высочайшие имена Божии ставятся в разряд имен человеческих, вообще существ, предметов и вещей одушевленных и неодушевленных. Для непривыкшего глаза странно, прискорбно, тяжело читать сказанные имена с такими буквами в начале, это, по меньшей мере, выражает ненадлежащее отношение к делу, неуважительность к высочайшим именам Божиим. Это хотя непосредственно относится к заведующему Типографией, но тем не менее и к другим лицам, имеющим прямое или косвенное к ней отношение. И нельзя не удивляться, каким образом столь важный и религиозный предмет мог ускользнуть от внимания блаж. памяти Вашего предшественника, митр. Филарета, который был так строг и внимателен ко всему и на всех произведениях своего ума и действий положил неизгладимую печать глубокой мудрости.

Но видно, чего не исполнил он, то, по намерениям Божественного Промысла, предоставлено совершить Вам. Принятый Московской типографией неправильный метод неправильного печатания выше-названных слов со строчными буквами, конечно, есть не более как предание старины и явно согласует со старопечатными, раскольническими книгами. Но зачем православие будет подражать расколу? Известно, что не только митрополит в своей области, но и преосвященные архиереи в своих епархиях отменяли многое прежнее и устанавливали новое и полезнейшее. Печатание известных слов с прописными буквами не есть какой-либо догмат и до Всероссийской церкви не касается. Поэтому, Ваше Высокопреосвященство, Вы имеете полную власть, право и силу повелеть порученной Вам Московской области типографии все высочайшие имена Божии и Богоматери печатать с прописными в начале буквами во всех церковно-богослужебных книгах. Это, с одной стороны, послужит к сходству, согласию и единообразию с другими двумя выше названными типографиями (что весьма важно в делах Церкви!), с другой – прославит и обессмертит имя Ваше, что Вы, один и первый из первосвятителей Московских, обратили свое просвещенное внимание на такую аномалию и повелели ее исправить согласно здравому смыслу, правилам грамматики с ее орфографией и, наконец, согласно достоинству и святости высочайших имен Божиих (кои в ликах изображаются в венцах, и сиянии, и в тиснении) типом будут красоваться и блистать прописными в начале буквами.

[Дело МСТ: 3–4]

3. Протокол заседания Комитета по пересмотру богослужебных книг от 6 февраля 1879 г.

В собрании находились под председательством протоиерея Николая Надеждина члены: протоиерей Александр Соколов, протоиерей Павел Волхонский, священник Николай Световидов, священник Илья Касицин, священник Иоанн Вениаминов.

Председатель, объявив собравшимся членам Комитета, что к его высокопреосвященству высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию [Вениаминову] прислано от одного из ревнителей православия письмо, которое его высокопреосвященством препровождено в Комитет, прочитал оное в слух всех.

После надлежащего обсуждения содержания письма, члены Комитета признали высказанные в оном мнения относительно печата-

ния в богослужебных книгах с прописными начальными буквами имен Божиих и всех вообще имен собственных основательными и согласными с принятыми Комитетом правилами, почему и порешили: составить о сем протокол, препроводить оный вместе с самим письмом при отношении в Контору Московской синодальной типографии и просить Контору, не признает ли она для себя возможным распорядиться, чтобы в выходящих из сей типографии богослужебных книгах с сего времени имена Божии и все вообще имена собственные были печатаемы с прописными начальными буквами, как это уже делается в книгах, печатаемых в типографиях Киево-Печерской и С.-Петербургской синодальной. Если же Контора не признает это для себя возможным, то просить ее принять на себя труд испросить на то разрешение Святейшего синода. Подлинное подписали: протоиерей Николай Надеждин, протоиерей Александр Соколов, протоиерей Павел Волхонский, священник Николай Световидов-Платонов, священник Илья Касицин, священник Иоанн Вениаминов. [Дело МСТ: 5]

4. Копия письма прот. Николая Надеждина в Контору Московской синодальной типографии от 2 марта 1879 г.

В конце января сего 1879 года от «одного из ревнителей православия» прислано к его высокопреосвященству высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию письмо, которое его высокопреосвященством препровождено в Комитет по пересмотру богослужебных книг.

По поводу сего письма Комитет имел 6-го минувшего февраля экстраординарное собрание, в котором члены Комитета по надлежащем обсуждении содержания письма, признал<и> заключающиеся в оном мнения относительно печатания в богослужебных книгах с прописными начальными буквами имен Божиих и всех вообще имен собственных основательными и согласными с принятыми уже Комитетом правилами; почему и положили: составив о сем протокол, препроводить оный вместе с самим письмом в Контору Московской синодальной типографии и просить ее, не признает ли она возможным в печатаемых в сей типографии богослужебных книгах употреблять в именах Божиих и во всех вообще именах собственных начальные буквы прописные, как это уже и делается в типографиях Санкт-Петербургской синодальной и Киевской; если же Контора са-

ма по себе на это не может решиться, то не примет ли она на себя труд испросить на то разрешение Святейшего синода.

Препровождая ныне означенный протокол и письмо, имею честь просить Контору от лица Комитета о вышеизложенном. Вместе с сим Комитет поручил мне довести до сведения Конторы, что вопрос о правописании слов, упоминаемых в письме ревнителя православия (Бог, Господь, Иисус Христос, Пресвятая Троица, Богородица и других) возбужден был в Комитете по его собственной инициативе еще при самом начале его занятий, три года тому назад, и решен уже был в том смысле, что все имена Божии из благоговения к ним, равно и все имена собственные, в соответствии общепринятым в настоящее время правилам грамматики, приличнее и правильнее печатать в богослужебных книгах с прописными, нежели со строчными начальными буквами, каковое решение и положено было представить на благоусмотрение Святейшего синода при представлении в оный тех замечаний, какие написаны будут членами Комитета на подлежащие пересмотру богослужебные книги. Но <так> как замечания сии в настоящее время не совсем еще готовы и немедленно представлены быть не могут, при том, и по представлении оных в Св. синод немало, вероятно, потребуется времени для их рассмотрения, то Комитет считает желательным, чтоб печатание вышеозначенных имен в богослужебных книгах, выпускаемых Московской синодальной типографией, началось прежде, нежели упомянутые замечания будут представлены в Св. синод, что, будучи согласно с собственным решением Комитета, удовлетворило бы желанию и одного из ревнителей православия, может быть даже и не одного, а многих ему подобных.

Подлинное подписал: председатель Комитета, Покровского собора протоиерей Николай Надеждин.

[Дело МСТ: 1–2]

5. Записка Московской синодальной типографии в Хозяйственное управление Синода от 16 мая 1879 г.

От председателя Комитета по пересмотру богослужебных книг протоиерея Н.Надеждина прислано в Контору отношение от 2 марта за № 32 при котором приложены: анонимное письмо на имя покойного митрополита Московского Иннокентия за подписью «один из ревнителей православия» и протокол экстраординарного собрания Комитета, состоявшегося по поводу этого письма.

В упомянутом письме «один из ревнителей православия» порицает орфографию церковно-богослужбных книг московской печати за то, что в них вопреки, по его словам, правилам грамматики, а также изданиям Санкт-Петербургской синодальной и Киево-Печерской типографии не только имена собственные, но и высочайшие имена Божии печатаются не с прописными, как подобает, а со строчными в начале буквами, чем и ставятся в разряд имен человеческих и других предметов. Видя в этом неуважение к именам Божиим, автор письма просит преосвященного обратить внимание на такую «аномалию» и повелеть «ее исправить согласно здравому смыслу, правилам грамматики с ее орфографией, и, наконец, согласно достоинству и святости высочайших имен Божиих, кои в ликах изображаются в венцах и сиянии, и в тиснении – типом будут красоваться и блистать прописными в начале буквами».

Из протокола Комитета и отношения его председателя видно, что Комитет признал высказанные в приведенном письме мнения основательными и вполне согласными с принятыми уже Комитетом правилами и что вопрос о правописании слов, упоминаемых в письме «одного из ревнителей» (Бог, Господь, Иисус Христос, Пресвятая Троица, Богородица и других), возбужден был в Комитете по его собственной инициативе еще при самом начале его занятий три года тому назад и решен уже был в том смысле, что все имена Божии из благоговения к ним, равно и все имена собственные, в соответствии общепринятым в настоящее время правилам грамматики, приличнее и правильнее печатать в богослужбных книгах с прописными, нежели со строчными буквами. На этом основании Комитет просит Контору начать с настоящего времени печатание в церковных книгах имен Божиих и всех имен собственных вышеуказанным образом или испросить на это разрешение где следует, что, по мнению Комитета «удовлетворило бы и желание одного из ревнителей православия, может быть даже и не одного, а многих ему подобных».

Мнения, высказанные в письме «одного из ревнителей православия», конечно, не заслуживали бы особого рассмотрения, но ввиду того, что эти мнения разделяет вполне и самый Комитет и на основании их предлагает изменения в орфографии церковно-службных книг, Контора считает долгом представить на благоусмотрение Хозяйственного управления некоторые со своей стороны соображения по возбужденному означенным письмом вопросу.

Мнение «одного из ревнителей православия», будто бы в правописании церковно-службных книг имена Божии не получают подо-

бающего отличия и почета перед прочими словами низшего порядка, показывает только полное неведение церковнославянской орфографии. Имена Божии действительно печатаются в церковных книгах не с прописными, как в гражданских, а <со> строчными начальными буквами, но взамен того над этими именами, равно как и над другими священными словами, везде ставится покрытие или титло [—], употребляющееся в церковной печати не для сокращения письма, как в древних рукописях, но единственно как почетный знак. Отличение или «почитание» титлом имен Божиих и священных слов издревле составляет одно из первых правил церковнославянского правописания, чего, по-видимому, при обсуждении настоящего вопроса не имел в виду Комитет. Благочестивые орфографы старого времени больше всего наблюдали, чтобы имена Божии и священные слова никак не смешивались в правописании с другими словами, но всегда были отличаемы от них взметами или покрытием, т. е. титлом «яко венцемъ славы» (см. <[Калайдович 1824: 198–207]>⁵; с этой целью в *Алфавите* или орфографическом наставлении первой половины XVII века все слова разделяются на три разряда, то есть назначающие «святость, среднее (обыкновенное) и отпадшее». Слова священные, над которыми должно ставится титло, перечисляются подробно, и вместе указываются случаи, при которых какое-либо слово из высшего разряда ниспадает в низший и вследствие того лишается этого почетного знака; например: «*Святыхъ Аггль и святыхъ Апгль и священныхъ Архіеікопъ покрыто пиши, сирѣчь подь взметомъ: понеже что покрыто пишется, то свято; агтеловъ же сопровотника, и апостоловъ небогодохновенныхъ и архіепископъ несвященныхъ отнюдь не покрывай, но складомъ пиши: понеже враждебно Божеству и челоувъческому естеству. Брага и сопровотника и антихриста складомъ пиши. смотри о сихъ въ весь Алфавитъ сей прилежно, о Калиграфѣ, и не неради о сихъ*» [Там же: 198]; а в заключении преподается такое увещание: «*и сего ради, господине, совѣтъ даемъ тебѣ о Христѣ и молимъ любовь твою, Господа ради не смѣшай, яко же рѣхъ несмѣсная, во всемъ, тишиа святость отъ посреднего и отъ отпадшаго всяко отдѣляти, и почитай святость вездѣ взметомъ и покрытиемъ, яко свята суци и честна и всякіа похвалы и славы достойна*» [Там же: 206].

⁵ На этих страницы книги К. Ф. Калайдовича опубликован «Алфавит, како которая речь говорити или писати», орфографический трактат, который Московская синодальная типография регулярно использует для обоснования своей орфографической практики.

Таким образом, отличая имена Божии и вообще наименование священных и досточтимых предметов титлом, церковная орфография, естественно, не имела и не имеет необходимости прибегать для их отличия к прописным буквам, которые имеют в ней другое назначение и употребление – служат указателями начала книги, особой статьи, отдела, материи, а также указателями начала стихов той или другой главы в библейских чтениях. Равным образом, не употребляет она прописных букв и в начале имен собственных, как ввиду того, что эти имена уже сами по себе, своим произношением и складом явственно отличаются для читающего от всех прочих слов в тексте, так и для избежания утомительной для глаз пестроты в печати и разных других неудобств, как например: при начинании прописными буквами собственных имен и других слов не могло бы быть узнаваемо во многих случаях начало стихов, отличаемое также прописными буквами (см. славянскую Библию издания 1863. Евангелие от Матфея гл. 1, стихи 4, 11, 15, 16; Луки 3. 24–38 и другие). Только со времени введения гражданских шрифтов за неимением в них титла начали употреблять по примеру иностранной печати прописные буквы в начале священных и почетных слов, а также и собственных имен. Этот прием гражданского правописания еще с прошедшего столетия усвоили и некоторые церковнославянские издания, назначаемые преимущественно для домашнего чтения.

Вышеуказанные особенности церковной орфографии Комитет вместе с анонимным ревнителем принимает за грамматические не-правильности, не соответствующие притом уважению к именам Божиим, и предлагает печатать эти имена из благоговения к ним, равно как и все имена собственные, в соответствии с общепринятым в настоящее время правилами грамматики, с прописными начальными буквами. Но предлагая такое правописание для имен Божиих, как то: *Бог, Господь, Иисус Христос, Пресвятая Троица, Богородица* и других, Комитет, по-видимому, не примечает, что он выводит церковную орфографию только на распутье, где и оставляет ее без всяких указаний, какими правилами или образцами она должна руководствоваться при предстоящих здесь многочисленных случаях, которые в постановлении Комитета скрываются под словами «и других», ссылка на общепринятые в настоящее время правила грамматики напрасна. В действительности, ни грамматика, ни практика современной гражданской орфографии доселе не выработала никаких общепринятых правил по многим вопросам об употреблении при тех или других словах прописных букв. Следует ли, например, начинать

прописными буквами только собственно имена Божии или и относящиеся к ним местоимения личные, притяжательные и указательные, прилагательные и причастия, заступающие место имени собственного или существительного, а также имена существительные? Какими буквами и в каких случаях начинать многие другие слова, означающие священные предметы, лица и понятия, например, слова *церковь* (собрание верующих), *Матерь* (Господа), *Ангелы*, *Апостолы*, *Пророки* и проч.? Далее, самое слово *богослужебныя* (книги) приличнее ли начинать прописной, как это делает «один из ревнителей» или строчной, как вопреки ему пишет единомысленный в прочем с ним Комитет? Наконец, следует ли печатать с прописными начальными буквами только имена собственные или и производные от них прилагательные? Ведь подобные вопросы за отсутствием общепринятых правил решаются в современной орфографической практике разноречиво. В разных изданиях встречаются разные методы по употреблению в начале тех или других слов прописных букв и в каждом почти издании – нередкие отступления от принятого им же самим метода, так что одно и то же слово с одним и тем же значением в иных случаях начинается прописной, в других – строчной буквой. Вообще, ни в чем так часто не сбивается и не впадает в противоречия современная орфография, как именно в употреблении при разных словах прописных букв. Следовать за нею на этом пути, как предлагает Комитет, значило бы внести в область церковного правописания ту же рознь, те же колебания и преткновения, которыми страдает нынешняя гражданская орфография, словом, внести вместо улучшения порчу.

По всем вышеизложенным основаниям Контора не может признать полезным то нововведение, которое предлагает в настоящее время Комитет для орфографии церковнослужебных книг, а потому и полагала бы оставить это предложение без последствий.

О чем Контора считает долгом довести до сведения Хозяйственного управления, прилагая при сем в подлинниках все бумаги, присланные Комитетом.

[Дело МСТ: 6–11]

6. Отношение митрополита Московского Макария (Булгакова) от 31 января 1880 года

Отношением Вашего Сиятельства от 31 октября прошлого 1879 г. за № 9453 требуется мнение Комитета по пересмотру богослужеб-

ных книг относительно высказанных Конторой Московской синодальной типографии замечаний касательно особенностей церковной орфографии и способа печатания имен Божиих и названий священных предметов и лиц в богослужебных книгах.

Комитет по пересмотру богослужебных книг по делу сему представил следующий отзыв:

Контора Московской синодальной типографии в своем отзыве, представленном в Хозяйственное управление при Святейшем синоде от 16 мая 1879 года за № 1476, указала три основания, по которым признает частью ненужным, частью неудобным употребление в богослужебных книгах прописных букв для означения имен Божиих и собственных, а также и наименований священных предметов.

1. Для означения имен Божиих и наименований священных предметов прописные буквы не нужны, говорит Контора, потому что «над этими именами, равно как и над другими священными словами, везде в церковных книгах ставится покрытие, или титло, употребляющееся в церковной печати не для сокращения письма, как в древних рукописях, но единственно как почетный знак.

2. Для означения имен собственных, – продолжает Контора, – прописная буква также не нужна «ввиду того, что эти имена уже сами по себе своим произношением и складом явственно отличаются для читающего от всех прочих слов в тексте».

3. При том, по отзыву Конторы, употребление прописных букв в собственных именах имеет и неудобство, состоящее в том, что а) они (прописные буквы) производят «утомительную для глаз пестроту»; что б) при начинании прописными буквами собственных имен и слов не могло бы быть узнаваемо во многих случаях начало стихов, отличимое также прописными буквами; что в) ни грамматика, ни практика современной гражданской орфографии не выработали никаких общепринятых правил по многим вопросам об употреблении при тех или других словах прописных букв.

Комитет, со своей стороны, не может признать эти основания твердыми по следующим соображениям.

1) Если титло или покрытие действительно употребляется в церковной печати «единственно как почетный знак» для имен священных, то все имена священные и должны быть с титлами. Но на самом деле этого нет. С титлами и покрытиями печатается сравнительно небольшое число священных слов, а множество других остается без всяких титл. Например, имена Божии: *Творец, Создатель, Искупитель, Вседержитель, Утешитель* и другие – никогда

не встречаются с титлами; из собственных имен священных лиц только *Иисус, Христос, Мария, Давид* имеют на себе титла, все же прочие бесчисленные имена святых титл не имеют; затем, слова *Ангелы, Архангелы* печатаются с титлом, а слова *Херувимы, Серафимы* и прочие наименования бесплотных сил – без титл. Все это, по мнению Комитета, служит доказательством, что титла первоначально введены вовсе не для отличия имен священных от несвященных, а просто как знаки словосокращения, ибо они ставятся только над теми словами, которые чаще других употребляются.

2) Но пусть титла действительно суть знаки отличия для имен священных. Спрашивается однако: все ли в настоящее время разумют таковое их значение? Нет. Кроме немногих ученых знатоков старины, кроме некоторых специалистов типографского дела все современники, смело можно сказать, не понимают этого значения титл и смотрят на них «единственно» как на знаки словосокращения. Если же для огромного большинства титла непонятны как почетные знаки, то отсюда следует, что нужно ввести в употребление в церковных книгах другие, понятные современникам знаки отличия имен священных, и именно прописные буквы, значение которых в настоящее время более или менее известно всякому школьнику, вообще всякому грамотному человеку.

3) Контора говорит «отличие или почитание титлом имен Божиих и священных слов издревле составляет одно из первых правил церковнославянского правописания». Если и согласиться с Конторой, <...> то должна же согласиться и она, что указываемое ею правило не извлечено из свойств церковнославянского языка, есть чисто условное, а потому может подлежать, по требованию обстоятельств, и изменению, и совершенной отмене. Контора подтверждает свое положение ссылкой на *Алфавит* или орфографическое наставление первой половины XVII века. Но *Алфавит*, во-первых, не есть произведение древнее, во-вторых, заключает в себе правила не какого-либо собора, даже и не какого-либо авторитетного лица в церковной иерархии, а лица совершенно неизвестного, так что по этому уже одному обязательной силы для нашего времени он иметь не может. Не может иметь *Алфавит* обязательной силы и по несовершенству своего содержания. Между прочим, он заповедует писать так или иначе либо вовсе не объясняя причин, почему он этого требует, либо приводя причины, которые должны быть названы, по меньшей мере, странными. Вот один пример из числа многих. *Алфавит* запрещает писать слово *окрестъ* под взметом на следующем основании: «без-

честно бо сіе Кресту Господню ... окрестъ бо и нечестивіи ходятъ» [Калайдович 1824: 204]. Затем некоторые предписания *Алфавита* показывают незнакомство его сочинителя с орфографіею греческого языка. Так имена *Θεοδωρ*, *Θεοфан*, *Θεοφил* и другие он велит писать через букву *Ф*, а имена *Филиппъ*, *Филовей*, *Филимонъ* и под. чрез *Ө*. Судя по таким наставлениям, которые при том изложены языком малограмотным, можно думать, что едва ли *Алфавит* был авторитетом даже и для своих современников. Ужели же после этого он может быть авторитетным для нашего времени и правила его должны быть неизменно соблюдаемы? Сама Московская синодальная типография, несмотря на высокое уважение, которое, по-видимому, питает ее Контора к *Алфавиту*, не всегда соблюдает его правила в печатаемых ею богослужебных книгах, так например, одно и то же священное слово в одном и том же издании она ставит то с титлом, то без титла. В Евангелии издания 1872 года Мф. 1.6 читается *двѣа*, а у Ин. 7.42 *давідова*; Ин. 2.12 *учнѣы его*, а 2.22 *ученицы его*; Ин. 21.15 *исусъ глѣа ему*, а Мк. 2. 38, 44 *и глагола ему*. В Следованной псалтири слова *апостол*, *мученик*, *пророк*, *преподобный*, *правовѣрный* и другие, которые по *Алфавиту* должны быть с титлами, очень часто встречаются и без титл. Подобных примеров немало и во всех прочих богослужебных книгах. Затем в изданиях Типографии встречаются с титлами слова «*посреднѣя*» и «*отпадшія*», которые, в силу предписаний *Алфавита*, не должны иметь титл. Пример: *члѣкъ*, *глѣлы*; Ин. 8.41: *дѣла оца вашего хотите творити*, Мк. 14.44 *хуляху его глѣюще*. Из приведенных примеров ясно видно, что Типография не признает для себя обязательными правила *Алфавита*, считает неудобным или излишним выполнять их. Поэтому напрасно, кажется, контора Типографии ссылается в защиту титл на *Алфавит* и, опираясь не него, доказывает неуместность употребления прописных букв в именах священных.

4. Впрочем, Комитет, предлагая для отличия слов священных и имен собственных ввести в употребление прописные буквы, совсем не думает вытеснять из употребления титла или покрытия (хотя не стал бы сожалеть, если бы они были вытеснены). Пусть титла остаются в церковных книгах – в качестве ли почетных знаков или просто в качестве знаков сокращения слов; но при титлах, по мнению Комитета, должны быть допущены и прописные буквы.

5. С мнением Конторы относительно имен собственных, будто «они своим произношением и складом *явственно* отличаются от всех прочих слов», Комитет также не может вполне согласиться.

Правда, замеченное Конторой о собственных именах, приложимо к большинству этих имен, но не ко всем, а именно неприложимо к именам малоупотребительным, относящимся к предметам, местам, лицам малоизвестным; таковы, например, имена *Всельфегорь*, *Сикима*, *Зивь*. Такие имена, не отмеченные прописными буквами, легко можно смешать с теми нарицательными именами, смысл которых для большинства читателей совершенно непонятен и которых так много в богослужебных книгах, каковы, например: *туло*, *конобль*, *рамналивь*. Может случиться наоборот: слова непонятные могут быть приняты за имена собственные. Множество примеров подобного рода смешения представляет нам перевод LXX. Известно, что греческие переводчики Библии многие имена собственные, находящиеся в еврейском подлиннике, сочли за нарицательные и постарались перевести их, и наоборот – многие непонятные для них имена нарицательные приняли за собственные и оставили их без перевода. Ошибки LXX были повторены переводчиками славянскими, что обусловило собою во многих местах темноту и неправильность славянского текста Ветхозаветной Библии. Таким образом, «произношение и склад» собственных имен не предохранило переводчиков от смешения этих имен с именами нарицательными и от проистекших отсюда ошибок. Но этих ошибок с их печальными последствиями, конечно, не было бы, если бы в тексте, с которого переводчики делали свой перевод, имена собственные были отличены прописными буквами или вообще какими-либо внешними знаками.

6. Относительно «утомительной» (по мнению Конторы) для глаз пестроты, которую (будто бы) производят прописные буквы. Комитет, напротив, держится такого мнения, что привычный к прописным буквам глаз скорее может утомляться отсутствием их, или очень редким употреблением. Только чрезмерная пестрота может считаться утомительной и неприятной, но чрезмерной она сделаться в богослужебных книгах едва ли когда может. А умеренная пестрота нравится более скучного однообразия: *varietas delectat*⁶. По крайней мере, в настоящее время церковнославянские издания типографий Петербургской и Киевской более и более входят в употребление, но не слышно, чтобы кто-либо жаловался на пестроту в них печати. И члены Комитета со своей стороны предпочитают иметь в своем употреблении эти издания, а не издания типографии Московской синодальной, именно по отсутствию в сих последних «пестроты», т. е. прописных букв.

---

⁶ Разнообразие доставляет удовольствие (лат.).

7) Не может согласиться Комитет и с тем мнением Конторы, будто «ни грамматика, ни практика современной гражданской орфографии доселе не выработали никаких общепринятых правил по многим вопросам об употреблении при тех или других словах прописных букв». Комитет полагает, напротив, что правила эти есть, но допускают лишь исключения и этих исключений делается на практике у одних более, у других менее. Таковое положение дела несомненно имеет свои неудобства, впрочем Комитет не считает их непреодолимыми. По крайней мере, относительно богослужебных книг он находит возможным установить правила настолько определенные, что выполнение их при употреблении прописных букв во всяком случае не внесет порчи в издания Московской типографии. Вот эти правила:

Начальными прописными буквами следует отмечать:

а) Все имена существительные, относящиеся к Богу и к трем лицам Божества, как то *Бог, Господь, Вседержитель, Саваоф, Творец, Создатель, Спас, Спаситель, Искупитель, Избавитель, Владыка, Сердцеведец, Судия, Пресвятая Троица, Отец, Сын* (Божий или человеческий), *Слово, Богочеловек, Дух Святой, Утешитель* и им подобные, если еще найдутся таковые.

б) Имена притяжательные и причастия, которыми выражаются свойства и действия Божии, когда стоят без существительных и заменяют их, например *Всевышний, Ветхий деньми, Сый, Всемогущий*. Но при существительных они должны оставаться со строчными начальными буквами, например, Творец всемогущий, Боже праведный, Отец милосердный.

в) Местоимения личные, относящиеся к Богу, *Я, Ты, Он*, также указательные *Сей, Той* и относительное *Иже* во всех падежах.

г) Имена Божьей Матери: *Матерь* или *Мати Божия, Пресвятая Дева, Царица Небесная, Богоматерь, Богородица, Владычица, Девица, Отроковица, Приснодева, Богоневеста, Невеста Невестная*.

д) Наименование бесплотных сил: *Ангел, Архангел, Архистратиг, Херувимы, Серафимы* и проч.

е) Все имена собственные и те из нарицательных, которые употребляются в смысле собственных, как то: *Креститель, Предтеча, Златоуст, Богослов* (Иоанн, Григорий), *Тирон* (Феодор); также из прилагательных те, которые составляют отличие и как бы фамилию известного лица, например, *Сергий Радонежский*.

ж) Имена прилагательные притяжательные, производные от имен Божиих: *Христов, Иисусов, Господень, Божий* (но не *божест-*

венный), *Спаситель*; равно и производные от собственных имен лиц: *Иоаннов, Петров, Павлов* и т. п., и мест, например, *Иудейский, Галилейский, Иерусалимский*; вообще имена прилагательные, которые отвечают на вопрос *чей?*, а не *какой?*.

з) Слово *Богоотец* должно писать с прописной буквой, а прочие сложные с именем Бог можно писать строчными.

и) Слово *Церковь*, когда оно означает собрание верующих, а не храм, приличнее начинать с прописной буквы.

Слова *патриарх, апостол, пророк, проповедник, мученик, преподобный* и им подобные как имена нарицательные, при том уподобляемые по большей части с именами собственными, удобнее писать строчными буквами.

Предлагая эти правила, Комитет, конечно, не считает их совершенно удовлетворительными со стороны полноты и определенности; совершенно полными и определенными они могут сделаться лишь с течением времени, после неоднократного применения их к делу. Поэтому возможно, что и руководствуясь этими правилами, Типография на первых порах будет иногда затрудняться относительно употребления прописных букв в некоторых словах. В подобного рода случаях она может обращаться к авторитетным образцам. Образцы эти – издания типографий Петербургской и Киево-Печерской и частью Библия в русском переводе, издаваемая по благословению Святейшего синода.

8. Контора, наконец, выставляет на вид то затруднение, что в некоторых случаях при употреблении прописных букв в именах не может быть узнаваемо начало стихов. Для устранения этого затруднения Комитет предложил бы следующие три способа:

Или каждый стих в Евангелии, Апостоле и Псалтыри (священных книгах, наиболее употребляемых при богослужении), начинать новой строкой, как это сделано в русском переводе Библии.

Или буквы, означающие счет, ставить не на краях листов, а в самом тексте (как это сделано в Тышендорфовом греко-латинском издании Нового Завета).

Или в тех немногих случаях, которые указаны Конторой, и других подобных, если найдутся, ставить для указания начала стиха какой-либо значок, например, звездочку.

[Хозяйственное управление 14–19]

7. Представление Московской синодальной типографии в Хозяйственное управление при Св. синоде (март 1885 г.)

Во исполнение предписаний Хозяйственного управления от 31 декабря 1884 г. за № 15613 и 13 марта 1885г. за № 3587 и согласно определению Святейшего синода от 7 мая /14 июня 1880 г. за № 1007, изъясненного в предписании Хозяйственного управления от 28 июня 1880 г. Контора Московской синодальной типографии имеет честь представить на благоусмотрение Управления нижеследующий отзыв по содержанию мнения Комитета по пересмотру богослужебных книг, приложенного к последнему из вышеуказанных предписаний с присоединением своих соображений и правил относительно того, как следовало бы печатать имена Божии и наименование священных лиц и предметов в богослужебных книгах.

Комитет по пересмотру богослужебных книг в своем отзыве на мнение Конторы говорит таким языком и тоном, что как будто дело идет об одном из важнейших догматических вопросов, имеющем ближайшее отношение к основным пунктам веры и требования богопочтения. Находя орфографию богослужебных книг московской печати неудовлетворительной с точки зрения требований современной русской орфографии и не соответствующей понятиям о святости досточтимых имен Божиих и святых, так как все подобные имена изображает строчными, а не прописными буквами, Комитет считает неудобным пользоваться этими книгами; члены Комитета прямо заявляют, что они предпочитают пользоваться изданиями Киевской и Петербургской типографий, где таковые имена изображаются прописными буквами. Если Московская синодальная типография в своих изданиях держится орфографии, принятой в древних рукописях и старопечатных изданиях, где имена достопоклоняемых лиц и предметов изображаются строчными буквами, но под титлами, то Комитет видит в этом слепую приверженность к старине, которая, как не опирающаяся на церковный авторитет, подлежит отмене. Доводы, приводимые Конторой в защиту своей орфографии, не имеют для Комитета силы, потому что опираются на источники неавторитетные с церковной точки зрения, к каким, по его мнению, принадлежит *Алфавит*, како которая речь говорит или писати, сочинение неизвестного автора 1-й половины XVII века. «*Алфавит*, – говорит Комитет, – заключает в себе правила не какого-либо собора, даже не какого-либо авторитетного лица в церковной иерархии, а лица совершенно неизвестного, так что по этому уже одному обязательной

силы для нашего времени он иметь не может». Контора, без сомнения, не могла бы оставаться равнодушной к соблазну, производимому орфографией печатаемых в заведываемой ею типографии книг, равно как к материальному ущербу, какой она должна бы терпеть, благодаря уменьшению спроса на ее издания, если бы то и другое было в действительности. Но Контора позволяет себе думать, что только слишком утонченные требования современного вкуса, приверженность к современным модам, может вызвать этот ложный недуг соблазна тем, что свято, только не по нынешней моде. Если и возможна со стороны единичного «ревнителя православия», вызвавшего появление этого вопроса, и единосмысленного (sic!) с ним Комитета такая чрезмерная утонченность вкуса, то этого решительно невозможно сказать по отношению к русскому народу в его целом. Последний как не соблазняется мнимой странностью форм церковнославянского языка, необычным словоупотреблением, так не может соблазняться своеобразной, не принятой в русском языке орфографией церковных книг; если он не имеет достаточно образования, чтобы объяснить себе это различие старого от нового, то, по крайней мере, обладает настолько здравым смыслом и уважением к своей старине, что не позволит себе соблазниться тем, что для него составляет святыню, завещанную историей <...>. Да и как может зародиться сама мысль о недостаточности богопочтения в церковной орфографии, когда все наши богослужебные книги по своему содержанию, языку и внешней форме резко выделяются из других родов письменности как именно священные, где святость простирается не только на текст, но и, можно сказать, на своеобразный по своему древнему типу шрифт и самую орфографию. Если вполне стать на точку зрения Комитета и рассматривать орфографию церковных книг со стороны богопочтения, то и в этом отношении приспособлять древнюю орфографию к вкусам нынешнего времени, менять ее на новую, является таким неудобным, как неудобно было бы изменять древнюю простоту обращения к достопоклоняемым лицам, как к Богу и святым, на *ты* новейшим обращением на *вы* в библейских и богослужебных книгах на том основании, что в настоящее время мы не только в обращении к высшим, но даже к низшим не употребляем *ты* (подобный способ обращения на *вы* принят во французских переводах Библии). Однако этим не только никто не соблазняется, но в этой оригинальной сравнительно с нынешними вкусами простоте все находят особенную выразительность, так что в чрезвычайных случаях пользуются и ныне этим языком древности, чтобы почтить

при торжественных обращениях, в особенности от лица Церкви, досточтимых лиц своего времени, как, например, Государя Императора, равно как высших духовных лиц. Древность церковной орфографии именно придает ей тот церковный авторитет, какого она не имеет, по мнению Комитета; напротив, ныне употребляющаяся в богослужебных книгах московской печати орфография заслуживает предпочтения перед рекомендуемой Комитетом новой, потому что опирается на тысячелетнюю церковную практику, что хотя она не утверждена формальным постановлением какого-либо собора (что было бы весьма странно), но ее освятили своим употреблением все русские соборы, в том числе и те, которые занимались вопросом об исправлении богослужебных книг. Кроме того, с начала книгопечатания все богослужебные издания выходили из Московской типографии по повелению русских царей и по благословию всероссийских митрополитов и патриархов, иногда предварительно рассматривались собором святителей. И если *Алфавит* разъясняет нам смысл и представляет правила этой орфографии, то его предписания, как стоящие в связи с этой освященной веками практикой церковной письменности, имеют для нас авторитет гораздо больший, чем личное мнение одного писателя, каким старается предстать Комитет. Ввиду всего этого Контора имеет право спросить Комитет, где же искать церковного авторитета для рекомендуемой ею новейшей орфографии? Опоры для нее нет никакой, кроме вкусов нынешнего времени.

Контора однако же не с этой, а с другой точки зрения отстаивала принятую ею орфографию, равно как считает долгом и теперь со всюю энергией отстаивать, вопреки стремлениям Комитета заменить ее новой, принятой в русском языке. По мнению Конторы, вопрос этот не имеет никакого отношения к богопочтению, и если некоторые лица соблазняются этой орфографией, как «низводящей священные лица и предметы в разряд обыкновенных вещей», то Контора решительно убеждена, что таких лиц немного, если только к разряду их не принадлежат единственно члены Комитета с единомысленным с ними ревнителем православия. Вопрос, по мнению Конторы, сводится на то, сохранить ли в церковных книгах старинную орфографию, освященную историей и древней практикой, несмотря на ее резкое различие от новой, принятой в настоящее время в русском языке, или совсем вывести ее из употребления и заменить новой, как более понятной для наших современников. В этом отношении Контора вовсе не считает делом нечестивым введение новой орфогра-

фии во всех церковных книгах, тем более, что в некоторых своих изданиях небогослужебного характера (например, в сочинениях Дмитрия Ростовского и других) она держится новейшей орфографии, в особенности же ввиду того, что Петербургская синодальная и Киево-Печерская типографии давно уже усвоили эту орфографию. В этой борьбе между новой и старой орфографией, которая до сего времени велась в тишине и с успехом для новой, Контора в настоящем случае считает своим долгом стать решительно на сторону старинной орфографии и искренне желала бы удержать в этом остаток старины от разложения, тем более, что старинная орфография нисколько не уступает новейшей в том пункте, который выставляет Комитет как преимущество последней, именно в выделении досточтимых имен из ряда обыкновенных. Контора в прежнем отзыве своем по этому вопросу с достаточной ясностью раскрыла тот факт, что по этой орфографии имена священных лиц и предметов выделяются титлом или покрытием, покрываются как бы «венцом славы», по выражению *Алфавита*. Правда, Комитет в своем ответе старается доказать, что титла ставятся для словосокращения, а не как почетный знак, но Контора не понимает, что побуждает Комитет с ревностью, достойной лучшего дела, идти против очевидного факта, для убеждения в котором не нужно ни учености, ни археологических познаний, а достаточно простого внимательного взгляда на любую страницу текста богослужебных книг. Контора не спорит, что титла ставятся над сокращенными словами и первоначально они имели значение знаков словосокращения над словами самими употребительными, но так как этими употребительнейшими словами являются в богослужебных и других книгах духовного содержания, какие почти исключительно были в употреблении в древнее время, имена Божии и святых, равно как досточтимых предметов, то этот знак сам собой сделался знаком отличия этих слов от других. Такое значение имеют титла в древних рукописях церковного характера и в старопечатных изданиях. С самых древнейших времен, с XI века, они получили это значение и употребляются почти исключительно над именами досточтимых лиц и предметов и только над некоторыми из предметов, именуемых *Алфавитом* «*посредними*», например, *члѣкъ*, *злѣ* и т. п., но никогда над именами предметов, именуемых «*отпадшими*». Это значение настолько вошло во всеобщее сознание допетровского времени, т. е. до окончательного введения так называемой гражданской орфографии, что, по-видимому, первоначальное их значение и употребление для словосокращения совершенно забы-

лось. В прежнем своем отзыве Контора для доказательства сего сослалась единственно на *Алфавит* только потому, что в этом сочинении этот взгляд на титло выражается с полной ясностью и правила об употреблении их приводятся с замечательной последовательностью. Автор сам по себе как лицо неизвестное не имеет авторитета в этом отношении, но он имеет громадный для нас авторитет потому, что отражает взгляд на этот предмет своей эпохи, или, лучше сказать, более образованных и ревнующих о просвещении ее представителей. Что его взгляд на титла и все предполагаемые им правила орфографии не им измыслены, а сполна заимствованы из школьных воззрений того времени, это подтверждается сличением предлагаемых им правил с авторитетными руководствами того времени. Мы укажем на важный грамматический труд начала XVII века, на грамматику Мелетия Смотрицкого, архиепископа Полоцкого. Всех изданий ее было пять: первое – в 1618 г. в Евю, второе – в Вильно 1629¹⁰ года, третье и четвертое – в Москве 1647 и 1648 года, пятое – в Валахии в 1755 году. Для нас важны 3^e и 4^e ее издания, сделанные в Москве на Печатном дворе повелением царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа с дополнениями и изменениями и без указания на автора. Приведем сполна единственное краткое и ясно выражающее существо дела правило о титле: Титла пишеться сичѣ. Глоко-титла же сичѣ. Оупотребляемѣ ѡбѣ ѿ каллиграфѣ бываю^т, ѣ слышѣхъ тобѣю именсѣхъ Бжїиныхъ, ѣ бжїей чѣстїи слѣжащихъ: ѡкв Гдѣ, Бгѣ, Оцѣ, снѣ, дхѣ, стѣ, ісѣ, хѣ, спсѣ, дѣа, чѣла, вѣа, мрїа, ѣ прѣлаа (стр. 74 на обор) [Смотрицкий 2007: 72]. Это место без изменения находится во всех изданиях грамматики, и в предшествующих московскому, и в последующих. Грамматика Смотрицкого была почти единственный авторитет в продолжении всего XVII века, равно как и XVIII до Ломоносова, который пользовался ею при составлении своей грамматики. Но грамматика Смотрицкого, несмотря на ее почти исключительное господство, была не единственной, наряду с нею мы встречаем и другие руководства по сему предмету. Так упомянем о грамматике неизвестного автора, изданной в Кременце в 1638 году⁷, более краткой, сравнительно с грамматикой Мелетия, но достойной уважения по ясному изложению правил. В ней о титле

⁷ Имеется в виду анонимная *Грамматїки или писменница языка словѣнскгво тѣтителемѣ вѣ крѣтыѣ* издана, которая является сокращенной версией грамматики Смотрицкого. Автором этого сочинения считается епископ Луцкий Афанасий Пузина [Ягич 1910: 29-30; Німчук 1979: 90].

говорится почти буквально то же, что и в грамматике Мелетия: «Титло пишеться ице ^т, словотитло же ице ^т: оупотребляемъ ѡбѣ ѡтѣхъ коллиграфъ бывають, тако гдѣ, вѣхъ, оцѣхъ, инѣхъ, дѣхъ, етѣхъ, иѣхъ, хѣхъ, спѣхъ, дѣа, чѣла, бѣа, мѣа, цѣковъ, еѣлаіе, елѣе, прѣныи, хѣ, цѣрь, дѣдѣхъ, блѣтѣхъ, гдѣрь и про^ч (предпоследняя страница.) Из этих свидетельств легко убедиться, что господствующий взгляд на титло в продолжении всего XVII века был тот, какой излагается в «Афавите». Воспользовавшись этими правилами, как они были в теории и на практике, автор *Афавита* поставил своей задачей с полной последовательностью провести их на практике, так как последняя всегда стоит позади теории и имеет целью дать в этом отношении каллиграфу полное руководство. Сличая изложенные правила с практикой того времени, равно как предшествующей и последующей эпохи, мы замечаем, что действительно, во всех богослужебных книгах московской печати на практике проводятся те же правила, но только не с такой последовательностью и строгостью, как это требуется теорией: встречаются иногда (хотя редко) досточтимые имена из тех, на которые указывает *Афавит*, без титла наряду с употреблением с титлом, нарицательные имена употребляются иногда с покрытием по отношению к предметам посредним и отпадшим, например *гдѣ*, *гдѣть* о нечестивых. В этом отношении *Афавит* испытал ту же судьбу, какую испытывает всякая теория этимологии и орфографии, оставаясь во многих отношениях невыполненной на практике (факт, который мы замечаем и в настоящее время по отношению к русской этимологии и орфографии), тем более, что *Афавит*, как справедливо замечает Комитет, допускает иногда некоторую неясность в своих требованиях, ошибки от недостатка научных знаний в авторе конца XVII века, к которым, кстати сказать, слишком строго относится Комитет, так как они очень естественны и извинительны для тогдашнего времени.

Все вышеизложенное убеждает Контору в том, что в продолжение почти двух веков (XVII и XVIII) значение титл как почетных знаков было в общем сознании, об этом их значении и употреблении знали все учившиеся грамоте, все каллиграфы, занимавшиеся копированием церковных книг, все типографские мастера, не говоря уже о справщиках Печатного двора. Только с половины XVIII века новая орфография стала более и более вытеснять древнюю в церковных книгах, впрочем не в московских изданиях, а главным образом в Киево-Печерских и вообще западных, где она стала употребляться еще в начале XVII века, а затем она была усвоена Петербургской ти-

пографией и только в слабой степени – Московской типографией. И Киевская типография не сразу усвоила эту орфографию; так, в обширном киевском издании Минеи месячной 1750 года употреблена орфография древняя, хотя в Служебнике 1721 года киевского издания уже введена новая орфография. Слабое знакомство с богослужбной письменностью и ее языком, отличающее наш век, было причиной того, что значение титл почти совсем забылось. Члены Комитета с замечательной искренностью выражают сознание в этом. «Пусть титла, – говорят они, – суть действительно знаки отличия для имен священных (в чем они, как мы видим, сомневаются). Спрашивается, однако, все ли в настоящее время понимают такое их значение? Нет! Кроме немногих ученых знатоков старины, кроме некоторых специалистов типографского дела, все современники, смело можно сказать, не понимают этого значения титл и смотрят на них единственно как на знаки словосокращения». Это невежество вряд ли можно назвать извинительным, хотя, к сожалению, оно царит и над руководствами к изучению церковнославянского языка, употреблявшимися в наших школах. Так, в «Краткой славянской грамматике», составленной в 1811 году П.Виноградовым и почти до самого последнего времени (в продолжении более 50 лет) бывшей учебником в духовных школах, нет и помину об этом главнейшем значении титл, а вместо того читаем: «титло есть не что иное, как сокращение нескольких слогов» [Виноградов 1825: 9–10] и т. д. Ввиду этого незнания, к сожалению, господствующего среди даже представителей духовного знания, к каковым надобно отнести членов Комитета, нужно ли уничтожить, как советует Комитет, титла или хотя и оставить, но к ним в помощь присоединить прописные буквы, как делают типографии Петербургская и Киево-Печерская? Полагая, что против незнания есть могучее и верное орудие – распространение и усиление знания, Контора не находит удобным жертвовать древней орфографией только во имя этого незнания, тем более, что и другие соображения серьезного характера побуждают Контору стоять за эту орфографию.

Самым важнейшим характеристическим признаком нашей богослужбной письменности, отличающим ее как священную, во всем отличную от всякой другой письменности, являются, несомненно, те черты древности, которые она носит. Этот характер старины присущ ей во всем; язык, на котором она написана, есть древний церковнославянский, в связи с ним употребляется и древняя орфография, идущая с самого начала в России христианства и христианской

письменности, и, наконец, древний церковнославянский шрифт, печатно воспроизводящий старинное уставное письмо рукописей. Все эти три элемента этого языка находятся в самой тесной и неразрывной между собой связи, первый представляет внутреннюю его сторону, оба последние – его внешнюю сторону, не отделимую от внутренней. Как странно было бы изображать текст на русском языке церковным шрифтом и с церковной орфографией, также странным должно быть печатание церковного текста гражданским шрифтом и с гражданской орфографией. То и другое, конечно, возможно и употребляется на практике в здешней типографии, но как исключение для людей малограмотных и для домашнего употребления. В связи с этим стоит то великое воспитательное значение, какое имеет письменность для народа и для школы. По всей справедливости можно сказать, что в церковной письменности русский народ не только находит средства для удовлетворения своим религиозным потребностям, но и при посредстве ее он общается с миром своего прошлого; с самых ранних лет мы все изучаем не столько в школе, сколько в церкви наш древний язык, на котором писали наши предки, представляющий древнейшую ступень развития нашего современного живого языка, каковое его значение присуще всякому малограмотному и неграмотному. Последний как необразованный считает этот язык столько же для себя родным, сколько и свой живой язык. С другой стороны, школа постройет на изучении этого языка систему знания своего родного языка. Громадное воспитательное значение, какое имеет церковная письменность, слишком понятно, чтобы его раскрывать во всей полноте. Но в этом отношении совершенно необходимо, чтобы этот характер священной церковной письменности сохранился во всей целостности, не только в отношении к языку, но и к орфографии и шрифту. Оригинальная орфография богослужебных книг имеет такое же значение, как оригинальное строение и словоупотребление церковнославянского языка. Всякое изменение указанных черт богослужебной письменности по образцу письменности современной русской или по случайным вкусам нового времени будет не улучшением, а искажением ее основного характера. Комитет, рекомендуя Московской синодальной типографии ввести новейшую орфографию в богослужебные книги, поставляет ей в образец «авторитетные» в этом отношении издания Петербургской и Киевской типографий. Но Контора Московской синодальной типографии позволяет себе думать, что синодальные издания московской печати заслуживают авторитета не меньше, чем издания ти-

пографий Петербургской и Киевской потому, что в них более твердо сохраняются традиции, освященные веками, благодаря чему они в большей цельности и чистоте отражают особенный тип церковной письменности, унаследованный от самой глубокой древности как в отношении текста, так и в отношении к орфографии и шрифту, особенно в сравнении с киевскими изданиями.

Введение прописных букв в богослужебных книгах при удержании титл представляет неудачное смешение орфографий различных эпох, предания, идущего от глубокой древности с произведениями новейшего времени – смешение, порушающее характерную цельность богослужебной письменности⁸. Конторе могут возразить на это, что язык богослужебных книг подвергался постоянно и в древнее время переменам, как в отношении этимологии и словоупотребления, так и в отношении орфографии, цель которых состояла в приближении языка богослужебных книг к господствующему в ту эпоху, когда делались эти исправления. Контора признает этот факт, но не может не выразить своего сожаления ввиду того, что эти исправления не всегда вызывались потребностью и проводились не всегда умеренно, благодаря чему язык нынешних богослужебных книг, к сожалению, нельзя назвать древнеславянским, а скорее новославянским, состоящим из смешения форм древнеславянских с формами русского языка. В типографской библиотеке немало находится документов, по которым можно следить за постепенным разложением форм церковнославянского языка в руках прежних справщиков Печатного двора. Вместе с этимологическими формами этот язык потерял и многие особенности древней орфографии, например, юсы (по крайней мере большой, малый же теперь смешивается с я). Да и самая титла в древнее время ставилась с большей системой и последовательностью, чем эт<о делалось>, например, в прошлом и в особенности нынешнем столетии, когда число их уменьшилось и когда одни и те же слова часто употребляются и с титлами, и без титл.

---

⁸ Печатается исправленный вариант текста. Первоначальный вариант выглядел так: «Введение прописных букв в богослужебных книгах при удержании титл Контора Московской синодальной типографии видит неудачное смешение орфографий различных эпох, предания, идущего от глубокой древности с произведениями новейшей эпохи; она находит это нарушением характерной целостности богослужебной письменности, как нашла бы неудачным, если бы шел вопрос об архитектуре ее здания, замену стрельчатых его окон четверугольными новейшего стиля».

Контора Типографии держится того мнения, что если бы старославянский язык первых веков христианства в России вполне был удержан в наших богослужебных книгах с этимологией, словоупотреблением и орфографией, он столько же доступен был бы пониманию новейшего времени, как и теперешний значительно измененный язык богослужебных книг, но тогда он был бы более могучим средством к религиозному просвещению и научному пониманию нынешнего языка. Во всяком случае, по мнению Конторы, надобно положить конец этому разложению церковнославянского языка с его внутренней и внешней стороны; если теперь трудно восстановить его в его древних формах, то во всяком случае требуется удержать те оставшиеся формы, которые придают ему характерность и производят обаяние на религиозное и народное чувство.

Комитет, как кажется, совершенно упускает из вида эту сторону дела, хотя бы следовало бы ему, прежде всего, принять именно ее во внимание. Если Комитет позволяет себе так легко относиться к титлам, выражаясь, что он не очень сильно пожалел бы если бы титла совсем были бы исключены из богослужебной орфографии, то, идя последовательно по этому пути, можно не пожалеть и церковного шрифта и заменить его гражданским в богослужебных книгах, чему, кстати, начало уже положено, не пожалеть, наконец, самого церковнославянского языка и заменить его русским. Легко думать, что Комитет сам собой придет к мысли о том и о другом, если даст себе труд последовательно провести свой принцип. Но лучше ли будет, если эта печать священного, лежащая на богослужебных книгах благодаря оригинальности их языка и орфографии, совсем будет снята, если из народного сознания исчезнет эта среда, соединяющая его с миром столь почитаемого им и дорогого его сердцу прошлого? Странно было бы стремиться к этому нашему духовенству, которое всего более должно бы было дорожить теми оригинальностями церковного языка и орфографии, какие еще остались как дорогое наследство от прежнего времени, тем более странно, что оно владеет орудием раскрывать народу смысл иногда непонятных для него оригинальностей этой письменности. Помимо пастырей церкви на нашей школе лежит обязанность распространять в народе знание древнецерковной письменности, так чтобы и древняя орфография церковных книг была известна всем, а не одним только археологам, как уверяет Комитет. Вот почему необходимо следует позаботиться о том, чтобы церковные издания, предназначенные для школ, в особенности чужды были нововведений. Контора с удовольствием ви-

дит, что это требование осуществляется в последнее время в действительности что наша школа в лице, по крайней мере, ее лучших представителей сознает важность древней орфографии богослужебных книг и имеет на этот счет совсем другие взгляды, чем Комитет. Пример столь опытного и просвещенного в этом отношении педагога, каким является в глазах Конторы г. Ильминский, директор Казанской учительской семинарии, так много потрудившийся в деле приспособления богослужебных изданий к требованиям нашей начальной школы, во всяком случае заслуживает подражания, и Контора позволяет себе сослаться на очень ясно выраженное им мнение по сему предмету. В своей записке, представленной 20 января 1883 года Святейшему синоду об издании Часослова для начальных сельских училищ, он между прочим говорит: «Что касается орфографии, мне представляется необходимым удержать орфографию Московской синодальной типографии, которая следует обычаю древних рукописей в том, что прописную букву ставит только в начале статей и в начале стихов, на которые разделяются псалмы и главы священных книг, а среди стихов или внутри стихир, тропарей и т. п. употребляются подряд только строчные буквы без исключения собственных имен и чтимых наименований»⁹. Г. Ильминский не объясняет здесь, почему он находит необходимым удержать орфографию Московской синодальной типографии, но в своем отношении, адресованном Московской синодальной типографии, от 8 мая 1883 года за № 451 он говорил между прочим об испрашиваемом им ходатайстве у высшего духовного начальства «о некотором приближении орфографии к древнему состоянию церковнославянского языка». Из этого выражения видно, что г. Ильминский находит более соответствующим педагогическим требованиям не только удержать существующую в церковных книгах орфографию, но и восстановить ее соответственно с древним ее состоянием, а не менять ее на новую. Контора с своей стороны находит эту точку зрения самой правильной и единственно допустимой в педагогическом отношении.

Рекомендуя держаться принятой в церковных книгах орфографии, Контора вполне сознает, что правила относительно употребления титл как почетных знаков, не всегда выдерживаются в нынешних изданиях богослужебных книг, хотя держится того мнения, что этим основное их значение нисколько не изменяется, и что непоследовательность в их употреблении есть такой недостаток, который

---

⁹ Ср. [Кравецкий и Плетнева 2003: 458].

древняя орфография разделяет с нынешней русской. В прежнем своем отзыве по разбираемому предмету Контора с достаточной ясностью и полнотой изложила свой взгляд на неустойчивость правил современной русской орфографии, что, по-видимому, сознает и сам Комитет, когда находит изложенные им в своем ответе нарочно составленные для богослужебных книг правила орфографии страдающими неполнотой и далеко не разрешающими всех затруднительных вопросов. Контора не берет на себя задачи решить, какая орфография последовательнее и тверже может быть выдержана, но считает своим долгом изложить свои соображения относительно введения большей систематичности и последовательности в употреблении титл применительно к древним образцам, о чем она имеет высказаться в дальнейшем изложении своего отзыва. Как на единственный недостаток церковной орфографии сравнительно с современной русской может быть указано на то, что она все собственные имена изображает со строчных букв, благодаря чему иногда они могут смешиваться с нарицательными, чему приводит примеры Комитет. На это Контора считает нужным заметить, что этих случаев смешения собственных имен с нарицательными при существующей орфографии может быть очень немного, в остальном же остается в силе высказанное Конторой положение, что собственные имена своим складом и произношением ясно отличаются от нарицательных. Но нельзя думать, чтобы и при новейшей орфографии предотвращалось во всех случаях это смешение, так, в Библии славянской и русской имена нарицательные, например, *Фараон*, *Танафон*, в рус. *Тартан* (Ис. 20.1), *Равосон*, в рус. *Равсарис*, *Рансак* (4 Пар. 18.17) можно принять за собственные, между тем, они имена нарицательные, хотя изображаются с прописных букв. Усовершенствовать настолько орфографию, чтобы она никогда не подавала повода к недоумениям и двусмысленности, едва ли когда удастся современной науке, и ради исключительно этой цели жертвовать оригинальностью типа церковной письменности Конторе представляется делом далеко не согласным ни с традициями печатного дела, ни с принципами серьезной науки. Комитет в этом отношении неудачно сослался на перевод LXX толковников, которые, по его мнению, смешивали иногда собственные имена с нарицательными по причине отсутствия в еврейском тексте прописных букв. Этого недостатка не было бы, говорит он, если бы евреи писали собственные имена прописными буквами. Контора не берет на себя разбирать, откуда произошло во многих случаях оригинальное понимание авторами перевода LXX мазорет-

ского текста, иногда же и прямое от него отступление, и свидетельствует ли то и другое о неверном понимании переводчиками переводимого текста, или, напротив, ведет к более верному его восстановлению, так как вопросы эти недостаточно еще исследованы и уяснены современной наукой. Но по поводу сделанного Комитетом замечания о переводе LXX Контора считает своим долгом присовокупить, что еврейский текст во время перевода и до масоретской вокализации, не ранее VI-VII в. после Р.Х., изображался не только без прописных букв, но даже и без гласных (как и до сего времени в пергаменных свитках), причем, конечно, слова не разделялись одно от другого (*scriptio continua*), между тем, это не только не препятствовало правильному пониманию текста в эпоху живого языка, но и не уничтожило традиции, пользуясь которой масореты, спустя около тысячелетия с того времени, как язык сделался мертвым, восстановили чтение гласных и снабдили текст вокализацией. Другие семитические народы, как например современные арабы или вообще племена на востоке, говорящие по-арабски, пользуются также как евреи шрифтом без гласных, без знаков препинания, не говоря уже о прописных буквах, между тем, это ни сколько не препятствует им вполне правильно понимать текст. Контора поэтому думает, что сравнение с еврейским правописанием ведет, напротив, к тому заключению, что живое знание языка и уважение традиции могут покрывать бесконечно большие и важнейшие недостатки орфографии, чем тот недостаток, какой имеют наши богослужебные книги, то есть, изображение собственных имен с строчными буквами. Еще неудачнее Комитет предлагает введением прописных букв доставить внешнему виду текста богослужебных книг умеренную пестроту, указав на мудрое изречение *varietas delectat*. Едва ли достойно столь важного предмета, как богослужебные книги, применение столь низкого принципа как *varietas delectat*, здесь нужно заботиться не об услаждении глаза, а о том, чтобы внешность соответствовала внутреннему содержанию, чтобы древнее соответствовало древнему, святое святому, своеобразное своеобразному, как священные облачения и устройство храма своим древним и священным характером соответствуют древности и святости богослужения. Не о пестроте мы должны заботиться, а о том, чтобы стиль богослужебной части был своеобразный, строгий и простой, каковым в главном остается до сего времени. Для того, чтобы несколько улучшить положение современной церковной орфографии, требуется восстановить в большей полноте приемы употребления титл в том виде, как они

употребляются в рукописях и в древних печатных изданиях. В этом отношении и полезны указания *Алфавита*, представляющего очень полный перечень слов, которые следует писать под титлом, хотя едва ли можно допустить строгость его требований по отношению к нынешним справщикам. Настаивая на том, чтобы все указанные им слова имели титла, если относятся к Богу и святым, он закликает каллиграфа «не покрывать» их, когда говорится о людях или обыкновенных предметах, а тем более – о предметах низких и «отпавших». По мнению Конторы, надобно осуществлять на деле правила употребления титл не ригористически, а постепенно и не идти дальше того предела, до которого достигали древние печатные издания, <так как в них>¹⁰ бывают иногда и отступления, без всяких по видимому, оснований, <от правил. Контора рекомендует это в виду того, что>¹¹ строгость в выполнении этих правил на практике не может быть применима, как <ни энергично и>¹² ни усердно просит автор *Алфавита* каллиграфа не смешивать «нѣсмеснаа», все-таки мы не находим ни одного издания, где бы не было этого смешения. Например, возьмем слова глѣчѣ, глѣз. По правилам они должны стоять под титлом только тогда, когда говорится о Боге и святым, но по большей части они стоят под титлом безразлично, будет ли это относиться к Богу или к простым людям. Также слова слнѣце, нѣбо, кнѣзь и. т. п. Идти в этом случае вразрез с древней практикой и требовать от корректоров, чтобы они непременно ставили титло, например, на слово слнѣце только тогда, когда говорится о Христе, едва ли возможно. Допустить в некоторых случаях отсутствие титла полезно даже бывает и потому, что читатель может видеть в этом облегчающую для него транскрипцию сокращенного при посредстве титла слова. По этим соображения Контора типографии полагала бы употреблять по возможности во всех случаях следующие слова под титлом: ѡггѣз, ѡплѣз, ѡрхїеїпкопѣ, бѣз, бѣго, вѣца, вѣлка, воескрѣнїе, гдѣ, глѣз, гдѣ, дѣхѣ, дѣла, дѣдѣз, сѣпкопѣ, жрѣтва, їнѣз, їнѣль, крѣтѣз, крѣценїе, крѣтѣль, кнѣзь, млѣтва, млѣчѣ, млрдїе, мѣрѣ, мѣрїа, мѣннѣз, нѣбо, прѣркѣз, прѣча, прѣпennyй, прѣennyй, ржѣтѣво, снѣз, слнѣце, спѣз, стѣный, стѣль, сѣценнѣз, стѣрѣтѣрпѣцѣз, сѣво (Божие), трѣца, трѣтѣе, трѣжѣтѣво, оуѣтѣль, оуѣтѣннѣз, хрѣтѣосѣз, ѡсѣз, црѣь, црѣкѣвь, чѣлѣз, чѣтностѣ, чѣтѣчѣ. При этом под титлом надобно обозначать и все те слова, которые производятся от

¹⁰ Вычеркнуто.

¹¹ Вычеркнуто.

¹² Вычеркнуто.

вышепоименованных или сложны с ними, например, от слова бѣѣ, бѣѣтвенный, бѣѣтвѣ, бѣѣорѣднѣ, ѡбѣѣтвѣнчѣ, бѣѣорѣзѣмѣ, бѣѣнѣдѣцѣ и т. д.; от слова блѣго, блѣтчѣ, блѣгѣтѣрѣбѣе, блѣгѣобрѣзѣный, блѣгонѣзѣбѣнчѣ и т. д.; от слова спѣсѣ, спѣсѣнѣе, спѣсѣчѣ, спѣсѣнѣ, спѣсѣвѣ и т. д.; от слова прѣсѣжѣ: прѣсѣжѣнѣцѣ, прѣсѣжѣтѣвѣкѣлѣзѣ, прѣсѣжѣтѣвенный и т. д.
[Дело МСТ: 26–45]

8. Из определения Синода от 27 ноября 1887 / 19 февраля 1888 г. № 2527¹³

Рассмотрев, с одной стороны, предположения Московского комитета по пересмотру богослужебных книг, с другой – соображения Конторы Московской синодальной типографии относительно способа печати в богослужебных книгах имен Божиих и названий священных лиц и предметов, и находя, что существующая в Московской синодальной типографии практика печатания имен Божиих и названий священных лиц и предметов малыми строчными буквами с употреблением над некоторыми из них титл, оказывается согласной со старопечатными изданиями богослужебных книг, Святейший синод определяет постановить правилом, чтобы на будущее время при печатании богослужебных книг удерживался принятый в Московской синодальной типографии способ печатания имен Божиих и названий священных лиц и предметов с распространением действия сего правила как на Санкт-Петербургскую синодальную, так и на другие, состоящие в ведении Св. синода типографии Киево-Печерскую и Почаевскую. Вместе с сим, в видах согласия как с устанавливаемым способом печатания в богослужебных книгах имен Божиих и названий священных лиц и предметов строчными буквами, так и сходства с древнепечатными образцами сих книг, выходной в оных лист печатать в конце книги с тем, чтобы в обыкновенно помещаемом на сем листе ИМПЕРАТОРСКОМ титуле печатаемое ныне выражение «повелением» было заменено печатавшимися прежде речением «при державе», а самый ВЫСОЧАЙШИЙ титул, равно и имена ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ, а также Наследника ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА и всего Царствующего дома печатать строчными буквами, но в разбивку, для отличия от остального текста, на что по словесному заявлению Господина Синодального Обер-

¹³ В указе содержится подробный пересказ приведенных выше документов, поэтому мы публикуем лишь его резолютивную часть.

Прокурора и последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволение.

[Хозяйственной управлению: 34–34об].

9. Запрос управляющего Московской синодальной типографией о согласовании пособий по церковнославянскому языку с актуальной орфографической нормой от 1 июля 1892

Во вверенной мне типографии получают заказы на печатание учебных книг по славяно-русскому языку, предназначенных для церковно-приходских школ и одобренных духовной цензурой. В этих учебниках помимо разнообразия методов употребляется разнообразная орфография в текстах, печатаемых церковнославянским шрифтом. Несмотря на то, что издания эти предназначаются для изучения церковнославянского языка богослужбных и библейских книг, однако же орфография этих книг в употреблении в особенности строчных букв, титл и других знаков находится в противоречии с церковной. При всем том все подобные учебники, не будучи еще одобрены надлежащим образом духовным начальством, которое заведует церковно-приходскими школами, на титульном листе носят однако надпись, что они предназначаются для церковно-приходских школ.

Дабы согласовать орфографию учебников по церковнославянской грамоте, предназначенных для церковно-приходских школ, с орфографией богослужбных книг, я полагал бы необходимым сделать обязательным для авторов подобных книг держаться орфографии этих книг, а для сего печатать их не иначе как в Синодальных типографиях, причем и на них должно быть распространено действие определений Синода от 27 ноября 1887 г., 19 февраля 1888 г. / 24 февраля 1888 за № 2527 и 29/31 марта 1888 за № 702 относительно употребления строчных букв в именах Божиих, и святых, и титл.

Почитаю долгом просить Хозяйственное управление, не найдет ли оно возможным исходатайствовать на этот предмет соответствующее распоряжение, о самом же факте печатания учебных книг для церковно-приходских школ без разрешения Училищного совета при Святейшем синоде сообщить сему последнему

[Дело МСТ: 49].

Источники и литература

- Виноградов, П.* Грамматика, составленная при Александро-Невской семинарии уездного училища, учителем Петром Виноградовым, 1811 года. СПб., 1825.
- Калайдович, К.* Иоанн Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824.
- Кравецкий А. Г.* К истории исправления богослужебных книг в России во второй половине XIX века. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2001>. М., 2002. С. 164–182.
- Кравецкий А. Г.* Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2006–2009. М., 2010. С. 470–502.
- Кравецкий А. Г.* Петербургские полиглотты конца XIX века // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2012–2013. М., 2013. С. 240–259.
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в). М., 2001.
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* К вопросу о формировании учебной редакции богослужебных книг // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2002–2003>. М., 2003. С. 454–476.
- Німчук, В. В.* Мелетій Смотрицький. Граматика. Підготовка факсимального видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ 1979.
- Смотрицкий, М.* Грамматика 1648 г. / Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е. А. Кузьминой. М., 2007.
- Сове Б. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках. // Богословские труды. М., 1970, сб. V.
- Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 1–23. М., 1988–2000.
- Ягич И. В.* История славянской филологии / Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПб., 1910 [Репринт: М., 2003].

Сокращения

Дело МСТ – Дело Конторы Московской синодальной типографии по сообщению Комитета по пересмотру богослужебных книг относительно печатания с прописными начальными буквами имен Божиих и всех вообще имен собственных. Начато 5.03.1879. Окончено 30.12.1885. – РГАДА ф. 1184 оп. 3 (1879) № 31.

ПСПиР III – Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Том III. 1746–1752. Спб., 1912.

Хозяйственное управление – Дело Хозяйственного управления Святейшего синода о неисправностях при печатании Имен Божиих, пресвятой Богородицы и всех святых в богослужебных книгах, напечатанных в МСТ. – РГИА ф. 799, оп. 7, 1879 г., № 325.

Alexandr G. Kravetskij

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

krav62@mail.ru

MATERIALS OF THE DEBATE ON THE USE OF CAPITAL LETTERS IN CHURCH PRESS BOOKS (1876–1892)

The article continues a series of published documents which characterize the Synodal printing-houses' activities aimed at forming the norm of the late Church Slavonic language. The Synodal printing-houses had the exclusive right for publishing books in the Church Slavonic language so their influence on the grammatical norm's conservation and evolution was decisive. This article includes the documents related to the controversy on the use of capital letters in Church Slavonic books. Using capital letters for highlighting proper names was a feature of Russian civil spelling which was accepted by the St. Petersburg and Kyiv Synodal printing-houses. At the same time, the Moscow Synodal printing-house abided by more archaic rules. The coexistence of the two traditions caused controversy which is reflected in the published documents. They include two anonymous letters, the authors of which considered the spelling norm of the Russian literary language as the only possible one and suggested spreading it on all the Church Slavonic publications. This proposal was supported by the Committee for liturgical books' revision which used to function in Moscow in those years. The stance of the supporters of conserving the former norm is set out in the official appeals of the Moscow Synodal printing-house to the Synod and a range of other documents. This debate resulted in the determination adopted by the Synod in 1887–1888 approving the Moscow Synodal printing-house's spelling norm as the only possible one.

Key words: Church Slavonic, punctuation, printing, liturgics, capital letters, grammatical norm.

References and sources

Delo MST – Delo Kontory Moskovskoi sinodal'noi tipografii po soobshcheniyu komiteta po peresmotru bogoslužebnykh knig otnositel'no pechataniya s propisnyimi nachal'nymi bukvami imen Bozhiikh i vsekh voobshche imen sobstvennykh. Nachato 5.03.1879. Okoncheno 30.12.1885. – RGADA f. 1184 op. 3 (1879) № 31.

- Kalaidovich K. *Ioann Ekzarkh Bolgarskii. Issledovanie, ob"yasnyayushchee istoriyu slavyanskogo yazyka i literatury IX i X stoletii*. Napisano Konstantinom Kalaidovichem. Moskva, 1824.
- Khozyaistvennoe upravlenie* – Delo Khozyaistvennogo upravleniya Svyateishego sinoda o neispravnostyakh pri pechatanii Imen Bozhiikh, presvyatoi Bogorodicy i vsekh svyatykh v bogoslužhebnykh knigakh, napechatannykh v MST. – RGIA f. 799, op. 7, 1879 g., № 325.
- Kraveckii A. G. K istorii ispravleniya bogoslužhebnykh knig v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka <2001>*. Moskva, 2002, pp. 164–182.
- Kraveckii A. G. Lingvisticheskie i tekstologicheskie standarty sinodal'nykh tipografii. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka 2006–2009*. Moskva, 2010, pp. 470–502.
- Kraveckii A. G. Peterburgskie poliglotty konca XIX veka. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka 2012–2013*. Moskva, 2013, pp. 240–259.
- Kraveckii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya cerkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konec XIX–XX v)*. Moskva, 2001.
- Kraveckii A. G., Pletneva A. A. K voprosu o formirovanii uchebnoi redakcii bogoslužhebnykh knig. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka <2002–2003>*. Moskva, 2003, pp. 454–476.
- Nimchuk V. V. *Meletii Smotric'kii. Gramatika. Pidgotovka faksimil'nogo vidannya ta doslidzhennya pam'yatki V. V. Nimchuka*. Kiiiv, 1979.
- PSPiR III* – Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po Vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii. Tom III. 1746–1752. Spb., 1912.
- Smotrickii M. *Grammatika 1648 g.* Predislovie, nauchnyi kommentarii, podgotovka teksta i sostavlenie ukazatelei E. A. Kuz'minovi. Moskva, 2007.
- Solov'ev S. M. *Sochineniya v vosemnadcati knigakh*. Kn. 1–23. Moskva, 1988–2000.
- Sove B. I. Problema ispravleniya bogoslužhebnykh knig v Rossii v XIX–XX vekakh. *Bogoslovskie trudy*. Moskva, 1970, sb. V.
- Vinogradov P. *Grammatika, sostavlenaya pri Aleksandro-Nevskoi seminarii uednogo uchilishcha, uchitelem Petrom Vinogradovym, 1811 goda*. St.-Peterburg, 1825.
- Yagich I. V. *Istoriya slavyanskoi filologii. Enciklopediya slavyanskoi filologii*. Vyp. 1. St.-Peterburg, 1910 [Reprint: Moskva, 2003].